

УДК 821.161.1 (Русская литература)

МОТИВЫ ИНДУИЗМА В «МАЛАБАРСКОЙ ПОЭМЕ» В. РАБИНОВИЧА

© 2024 З.Ю. Огорокова-Алькаева

Огорокова-Алькаева Зульфия Юнировна, старший преподаватель
кафедры гуманитарных наук

E-mail: zalkaeva@bk.ru

Московский международный университет
Москва, Россия

Статья поступила в редакцию 22.10.2024

В статье анализируются семантические и стилистические особенности «Малабарской поэмы» В. Рабиновича, впервые опубликованной в книге стихов «В каждом дереве скрипка» (1978) с учетом критических отзывов. Отмечен интерес русских писателей к Индии, берущий своё начало ещё в средневековой литературе и сохранившийся по сей день, переключки русской фольклористики с мотивами древней индийской культуры. Обозначена связь поэтики Рабиновича с традициями советской поэзии, творчеством Обзриутов и поэтов Серебряного века, историей мировой культуры. Выявлены приемы языковой игры и подтекстовое отражение атмосферы 70-х гг. XX в. в России, когда в условиях очередного витка «холодной войны» усилилась антивоенная риторика, а во внутренней политике царил так называемый застой, и советская интеллигенция сопротивлялась засилью официоза и стандарта в публицистике и литературе. Подчеркнута актуальность самой поэмы и её исследования, обусловленная погружением в уникальный авторский метод поэта, объединяющий науку и лирику. Сформулирована сверхзадача автора — попытка с помощью стилистического эксперимента подчеркнуть общие черты индуизма и христианства, а также создать утопическую картину всеобщего мира и гармонии.

Ключевые слова: Малабарская поэма, поэтика В. Рабиновича, мотивы индуизма, Индия, фольклор, советская поэзия, аллюзия, подтекст, языковая игра, ирония, энтомосемизм

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-98-72-81

EDN: OZNDUN

Введение. «Малабарская поэма» — первое эпическое произведение современного российского поэта, философа и культуролога Вадима Рабиновича (1935–2013). В начальной редакции она вышла в свет в поэтической книге «В каждом дереве скрипка» в издательстве «Советский писатель» в 1978 г. [18, с. 86–92] и состояла из 182 строк-стихов, а затем, в сокращенном виде, появилась в трех поэтических книгах: «Фиолетовый грач», «Синица ока», «Сто стихотворений».

«Малабарская поэма» В. Рабиновича представляет интерес в литературном, философском и социокультурном плане. Здесь за «легкой пародией на исчезающую у нас постепенно буколическую манеру в изображении жизни селян», за «лёгкой полуиронической улыбкой рассказчика» [11, с.13] скрывается глубокий мистическо-религиозный и философский смысл, нарратив, работающий сразу на нескольких уровнях. Иван Киуру в своей рецензии на книгу В. Рабиновича «В каждом дереве скрипка» называет «Малабарскую поэму» «одной из наиболее удачных вещей» автора, и столь высокая оценка оправдан-

на. Небольшое произведение пронизано подлинным духом той заветной индийской духовности, которую на протяжении многих веков искали и находили русские писатели. Освещение в «Малабарской поэме» индуистских мотивов, основных постулатов санатана-дхармы, семантически, просодически и стилистически максимально приближено к русскоязычному читателю и выглядит актуально даже сегодня, а множественность заложенных в этом тексте смыслов отвечает склонности современной литературы эпохи постмодерна к семиотичности [16, с. 99].

Данное исследование полнее раскрывает особенности поэтики автора, так как еще раз иллюстрирует уникальный метод Рабиновича — стилистический эксперимент [16, с. 81], позволяющий одновременно решать как поэтическую, так и научную задачу. В случае с «Малабарской поэмой» — задачу соединения русской и индийской культуры и — шире — включение проблематики поэмы в контекст мировой культуры. Погружение в этот авторский метод, постижение богатой палитры художественных приемов поэта-

шестидесятника В. Рабиновича позволяют новому оценить логику развития современной литературы. Все это обусловило актуальность исследования.

Методы исследования. В работе использованы литературоведческие методы — сравнительно-исторический, структурно-семиотический, лингвистический, биографический, формальный, интертекстуальный.

История вопроса. Интерес к Индии прослеживается в русской литературе с давних времён, что отчасти обусловлено наличием единой исторической общности [13, с. 177]. Индия то представлялась страной загадочной и крайне опасной, становилась «преградой» на пути к земному раю, как в историко-географических памятниках «Хронике» Георгия Амартола и «Христианской топографии» Козьмы Индикоплова, то превращалась в символ поиска нового смысла, в «Страну Мысли», как в периоды, подобные Серебряному веку [5, с. 164]. Само путешествие в Индию считалось сакральным событием, это был религиозный переход из жизни обыденной в сферу духовную «от собственной греховности» [12, с. 211]. Особое место Индии в древнерусской литературе отмечалось многими учеными: об этом говорится, к примеру, в статье А.С. Дёмина «Индия в древнерусской литературе» [7, с. 197], в работе А.Я. Соколовского «Индийские мотивы в русской культуре», в исследовании Л.О. Свиридовой «Утопический образ Индии в древнерусских письменных памятниках».

Культурно-историческое взаимодействие России и Индии, непосредственное или опосредованное, не прерывалось, но в разные периоды обретало новые черты и звучание. Прочным литературно-культурным связям двух стран посвящены диссертация Е.В. Фисковец [25], статьи Т.В. Бернюкевич [5], Л.В. Спесивцевой [25], Н.А. Даренской [6], А.К. Морье [15], А.Н. Люсого [13] и других ученых.

Результаты исследования. В исследовании индийского контекста в конкретной поэме В. Рабиновича нам помогут две рецензии, С. Золотцева и И. Киуру, написанные в 1979 г., по следам первой книги поэта, а также статьи о творчестве писателя и труды по поэтике русской литературы.

Творческое устремление к востоку в «Малабарской поэме» В. Рабиновича можно расценить как попытку постижения неизведанного, духовного, что возможно только в экзотическом, сказочном, а не в реальном пространстве. Поэма побуждает к духовной работе как автора, так и читателя. Рабинович мастерски обыгрывает

принцип противопоставления мира обывателя и мира книжника, мира идеального и мира банального, поля яркого метафорического слова и дискурс бесстрастного официоза. Таким образом в «Малабарской поэме» просматриваются тема поэта и поэзии, вектор взаимоотношения поэта и власти, контраст духовного и косного. Интимное, обращенное к каждому читателю, слово поэта не исключает и впечатляющего обобщения.

«Постепенно, по мере движения поэмы, эта горстка идущих к священной реке бедных людей перерастает в глазах читателя в символ нащупывающего свои пути — во мраках своей истории — человечества. Форма обратилась в дух, — в поэзию» [11, с. 13]. Опубликовав «Малабарскую поэму» под иным названием — «Джунгли. Марш мира» — в сборнике стихотворений и поэм «Фиолетовый грач» в 1988 г. [20, с. 70–75], то есть спустя десятилетие, автор прямо указал на антивоенную направленность произведения и масштаб творческой задачи. Действительно, разве только индийские и русские культурные реалии просматриваются в тексте? Наивно-романтические восклицания и старославянизмы говорят о присутствии темы европейской книжности. Не даром в контексте первой поэтической книги В. Рабиновича заметна стилистическая переключка «Малабарской поэмы» со стихотворением «Ах, братец одуванчик» [18, с. 56–57], отсылающим к наивно-исповедальной поэтике Франциска Ассизского. Значит, речь идет о союзе народов мира, чтобы «Звенело и пело / На разных наречьях / Во славу прекрасных / Детей человеческих...» [18, с. 90], причем, в настоящем времени, — в современность поэт постоянно возвращает читателя, замороженного медитативным шагом индусов, с помощью разговорных слов и фраз — своеобразной рефлексией рассказчика: «Короче: индусы / Шагали сквозь джунгли»; «Так мне говорили, / А вы уж поверьте»; «Жука-паука... / Но с какой это стати, // По праву какому / Жука убивати?!» [18, с. 86–89].

Но вернемся к Индии. Индуистская философия, религиозные обряды, приметы местного быта и экзотической природы наполняют небольшую поэму особым колоритом. При этом Рабинович избегает манипуляции сложными терминами. Похоже, вслед за Бальмонтом в «индийском мышлении», богатом «разнообразием рассвета и заката» [3, с. 93], мог бы признаться и Рабинович.

Станислав Золотцев в своей рецензии отмечает, что поэма Рабиновича «сложна и виртуозна», но оговаривается: «всё же от неё остаётся

ощущение перевеса эрудиции, литературных познаний автора над его ощущением мира, удивлением жизни» [9, с. 283], с чем мы не можем согласиться. Легкость произношения зарифмованных строк и простота сюжета способствуют интуитивному пониманию постулатов индуизма и столь же естественному, логичному их соединению с основами христианского мировоззрения. Библейскую заповедь «не убий» и за-

печатленный в евангелии призыв Христа быть чистыми и бесхитростными, как дети, без труда угадает любой человек, даже факультативно знакомый с русской культурой, в подтексте концовки поэмы. Этот наивный светлый гимн разумному человеку и всему живому на земле и начинается с расхожей русской фразы — «все живы-здоровы»:

Все живы-здоровы.
О, как это мило —
Любить-щебетать
Средь подлунного мира!

Так вот почему
Все живое звенело,
Звенело и пело,
И благоговело.

Так вот почему
Все живое кружило,
И благо дарило,
И благоволило

Безусым индусам
С душою дитяти,
Которым нельзя
Никого убивати [18, с. 92].

Именно гуманность замысла делает «Малабарскую поэму» художественно цельным и универсальным, вневременным эпосом. Отсюда, пожалуй, простая форма и язык поэмы (обилие разговорной лексики), подчеркнутая «детскость» и наивность.

Присущая поэтике В. Рабиновича интертекстуальность [16, с. 81] проявляется и в «Малабарской поэме». В языковой игре с разностильной и устаревшей лексикой, в игривой инвентаризации мира насекомых и зверей можно заметить тонкие аллюзии на детские стихи Обэриу, сказки К. Чуковского «Муха-Цокотуха» и «Тараканище» и популярную песенку В. Шаинского на стихи Н.

Носова «В траве сидел кузнечик». Есть в поэме и скрытая, подтекстовая ирония. Она порадует пытливого читателя, который знает или захочет узнать о том, что паук-птицеяд и медоед вовсе не безобидные существа и вряд ли достойны трогательного к себе отношения: «ушибить» злобного хищника медоеда, чья кожа-броня не пробивается ни стрелой, ни мачете, просто невозможно, а случайно задев ядовитого паука-птицеяда, рискуешь быть укушенным. К слову, на присутствие загадки автор слегка намекнул тем, что выделил данную строфу за счет необычной ассонансной рифмы:

И не раздавить
Паука-птицеяда,
И не ушибить
Старичка-медоеда [18, с. 87].

Можно пойти дальше, усмотрев в сложном окказиональном существительном с оценочным

словом — «старичка-медоеда» — с одной стороны, связь с внешностью хищника, шерсть кото-

рого в верхней части туловища отличается серебристым блеском, напоминающим седину, с другой стороны — аллюзию на имя Старичка-Боровичка, лесного духа из славянской мифологии, управляющего грибами.

«Лексический оттенок слова, например архаизм или провинциализм, — писал М. Бахтин, — указывает на какой-то другой контекст, в котором нормально функционирует данное слово (древняя письменность, провинциальная речь...)» [4, с. 317]. Заповедная русская фольклорность в «Малабарской поэме» обеспечена повтором слов и фраз, как в народных песнях и закличках («Нельзя убивати / Нельзя убивати» [18, с. 86]), а также устаревшими и просторечными словами и выражениями («убивати», «дитяти», «далече», «заране», «по крайности», «клонилися

долу», «тяжелые вежды»). [18, с. 86–92] Игра с устаревшей лексикой популярна среди современников писателя. Подтверждение мы обнаруживаем, к примеру, в его статье «Аэропланы и ангелы. Кросскультурные конфигурации», где Рабинович к месту цитирует строчки Юнны Морич, содержащие экспрессивный глагол «плакоти»: «К утру прорезалось крыло. / Торчит молочное из мякоти. Ах, господи! Не надо плакоти: / С крылом не так уж тяжело» [24, с. 111].

Выверенная звукопись также важна для поэта, потому что она настраивает на песню, сопровождающую монотонное, выматывающее действие, отсылает к русской истории, как будто это бурлаки на Волге тянут баржу, а не бредут изможденные индусы, чередуя свистящие вдохи-выдохи.

По узкой тропинке,
Худы и безусы,
Ступали индусы,
Ступали индусы.

Свисали лохмотья
Подобьем одежды.
Клонилися долу
Тяжелые вежды [18, с. 86].

В эту исконно русскую сказовость вплетаются прецедентные имена индийской культуры: Малабар, Джамна, Сакья-Муни. При этом ни один образ не выпадает ни из смыслового, ни из фонетического, ни из эстетического ряда. Здесь стоит напомнить: в русском фольклоре присутствуют не только прямые упоминания Индии, но и многочисленные отсылки к восточным мотивам. В качестве примера приведем сказку о Еруслане Лазоревиче или былинку о Дюке. Да и сказка о Жар-птице, по мнению В.В. Стасова, уходит корнями в рассказы индийского автора XII в. Сомадэвы. [23, с. 109] На этих единых духовных критериях двух народов, на стыке двух

фольклорных традиций искусно возвращает свою Индию Вадим Рабинович. И так же искусно переплетает две нити — христианство и индуизм.

Что есть путешествие пресловутых индусов, как не поиски рая? Или Будды? Или Спасителя? Разумеется, в «Малабарской поэме» все дорожки и тропки ведут к Богу. И насколько тяжёлым окажется путь к желанному покою, настолько и отдохновение будет полным. Вода Джамнана, наконец-то утоляющая жажду, служит здесь подобием сомы, из гимнов ригведы, духовным, очищающим средством, квинтэссенцией счастья.

Захвати свет, захвати солнце,
и все, что приносит счастье, о сома,
и сделай нас лучше! [21, с. 302].

Сопрягая мотивы христианства и индуизма, Рабинович не механически смешивает краски идей, слов и выражений, а добивается благозвучия и благопонимания, синергетического эффекта. В результате алхимии слов рождается обновленный язык веры, нечто новое и одновременно извечное, глубоко близкое и понятное.

Успех такого сложного действия, на наш взгляд, связан с глубокой предварительной философской проработкой вопроса о сущности Бога и божественного. Именно поэтому «Малабарская поэма» не стала «научнообразной, популярной повестью в стихах — об основах буддизма или индуизма». Автор не отстранен от своих героев, в

тексте «угадывается его сочувствие поклонникам той наивной пантеистической религии, для которых все сущее и живое священо, ибо являет воплощение их бога» [11, с. 13].

Таким образом, самый высокий и сложный семантический пласт поэмы — это, очевидно, попытка описать универсальный момент бытия, причем в этом стремлении «обновить мифологическое время» поэт был не одинок. А. Македон в книге «Свершения и кануны» описал тенденцию отечественной поэзии конца 70-х годов: с помощью лирики в каждом событии «достигать устойчивости мифа», искать чудесное в повседневно-реальном» и привел в пример образ «замороженного мяса мамонта у Вознесенского», а также стихотворный цикл Е. Винокурова «Мифы» [14, с. 327]. Сам В. Рабинович в беседе с Г. Бурбулисом «О мудрости и природе поэтического» назвал свое «заглядыванье в прошлое» «топикой припоминаний с целью понимать что-то из утопического предвидения» [19, с. 236].

В пространстве поэмы Рабиновича происходят и более понятные для читателя метаморфозы, к примеру синтез культур и эпох, о чем во многом говорит соседство устаревшей лексики с современной. Заметно и смешение стилей: разговорного, художественного и официально-делового. Присутствие официоза, канцелярских выражений служат маркером времени, 70-х годов, а также инструментом создания иронии и самоиронии. Попутно В. Рабиновичу удается высмеять издержки советского дискурса, наполненного газетными штампами. В пользу присутствия этой темы в поэме говорит хотя бы 17-я строфа: здесь единственная живо звучащая строчка — «Мельчайшего зверя» — буквально зажата в тисках трех канцелярских строк, не передающих ни эмоций, ни интересной мысли. Любитель поэзии, конечно, понимает, что поэт ерничает, но подспудно усваивает отвращение к

пустому формальному слову и начинает больше ценить изящные тропы, такие эпитеты, как «дурная, ночная ухмылка убийцы» [18, с. 89] или окказиональные энтомосемизмы (названия насекомых в художественных текстах): взгляды в «комашку-букашку» «бабочку-лист», «птицу-малинку», «жука-паука» из «Малабарской поэмы» [18, с. 88].

Тема жесткой советской цензуры удачно вписана в конец поэмы и занимает одиннадцать строф: автор передает жесткую критику безымянного чиновника с нарочитым пафосом называя его мыслителем: «Лишь некий мыслитель, / Любитель мясного, / Уже приготовил / Сердитое слово. / Учитель-ревнитель / И нравоучитель, / Худящих индусов / Пустой обличитель». [18, с. 90] Отрицательный герой поэмы перегибает палку, упрекая вегетарианцев в том, что они едят растения, которые тоже можно считать живыми. В этой ситуации автор-рассказчик, несмотря на свою кротость, находит в себе силы дать отпор оппоненту: «Мыслитель, оставьте / Свои укоризны!..» [18, с. 92]. Разумеется, есть биографический подтекст у этого отступления в поэме. Сложные взаимоотношения с цензорами Рабинович в красках описал в своей книге «Алхимия», в главе «Постскриптум». Требования к автору порой выдвигались абсурдные. К примеру, фраза «вернуться к нашим драконам», вызвала подозрение, потому что, по мнению редактора, можно было лишь «вернуться к нашим баранам», как во французской поговорке. [17, с. 681] Однако никакие проблемы не отняли у поэта жизнелюбия и желания иронизировать и шутить.

Бесконечный юмор, изобретательность — неизменные черты идеостилия В. Рабиновича, который, как академик П. Капица, «уверен, что наука и поэзия должны быть веселыми, и считает этот постулат одной из важнейших имитаций» [2].

Идти далеко им
До берега Джамны.
До влаги
Сухие гортани их жадны.

Но если немножечко
Им поспешить,
То можно, пожалуй,
Жука раздавить,

Жука-паука...

Но с какой это стати,
По праву какому
Жука убивати?! [18, с. 89].

В конце процитированного отрывка автор-рассказчик не зря возмущается. Описанная ситуация уже напрямую связана с основными постулатами индуизма. Дело в том, что Санатана-дхарма строится на принципе всеприсущности бога (параматмы), где изначальная истинная

природа всех живых существ без исключения, вплоть до «личинки, еще не живой» вечна и духовна. Истребление любого живого существа приводит к сбою в цикле перерождений, оставляя погибшего насильственной смертью в той же форме. Это и есть дхарма, духовный закон.

Всем людям из той
Малочисленной джати
Нельзя убивати,
Нельзя убивати [18, с. 86].

Максимально наглядно выглядит это отрицание насилия на реальном историческом фоне, в свете факта: область Малабар стала первой индийской территорией, колонизированной британцами. Здесь часто возникали народные волнения, в том числе известное Малабарское восстание или Восстание мопла 1921 года. Возможно, в этом факте — ключ к символике названия поэмы. Притесняемый народ, полностью сознающий свое главное право — свободу жить, не мог не бастовать.

И ликующий, «звнящий» финал поэмы — не что иное, как художественное отображение кармы как следствия деяний человека, его духовных и жизненных установок, мыслей и устремлений. Всё, полученное людьми в этой жизни, является следствием их прошлых поступков. Картину мира вокруг себя человек рисует сам, сам складывает свою судьбу из крошечных кубиков-мгновений. Бог ничего не даёт и не забирает, бог есть чистая энергия и порядок.

И жажду студили
Джамнанской водою.
И златоголосо
Звенело живое.

Звенело и пело
На разных наречьях
Во славу прекрасных
Детей человечьих... [18, с. 90].

Индуистская идея состоит в том, что накопленная человеком карма записана в его тонком теле в виде тончайших звуковых вибраций. Добавим: неоднократно повторяющийся в поэме мотив «звона» соотносим с благовестом, то есть снова две религии становятся на одну ступень.

Другой символ индуизма, колесо сансары, означает круговорот рождения и смерти. И мо-

тивы метемпсихоза в «Малабарской поэме» обозначены тонко и деликатно. Рабинович преподносит сюжет как действие, которое происходило в прошлом (малабарская быль) и происходит сейчас, на наших глазах. Эту идею поддерживает умелая игра с хронотопом.

Смешавшись с высокой
Зеленой травой,
Им под ноги сверху
Бросалось живое.

Но, как говорят
Малабарские были,

Они и тогда
Никого не убили [18, с. 89].

Позитивный финал означает: колесо сансары совершило поворот, и это действие снова будет происходить в будущем. Мировая гармония не пострадала, а временной диапазон произведения еще больше расширился.

Не случаен также образ коровы: «Секло их прутье, / Ибо не было крова. / Но с ними священная — / Рядом — корова» [18, с. 88]. Как и мать-земля, корова-мать рождает все живое, она прародительница Гау Мата и символ бескорыстного жертвоприношения. Такие же бескорыстные жертвы приносят индусы Рабиновича, поступаясь комфортом и благополучием ради «не то что гаура, не то что барана», но и «мелкой рыбки», «малой птахи» [18, с. 86]. Так как корова — священное животное, «а-гхнья» [10, с. 18], то есть, «та, которую нельзя убивать», она встаёт в один ряд со всеми обитателями окружающего мира, которых старательно оберегают герои поэмы. Кроме того, через культ коровы автор подключает к дискурсу зороастризм, джайнизм, а также традиции Древнего Египта, Древней Греции и Древнего Рима, согласно которым корова тоже считается благородным животным.

Наконец, нельзя обойти стороной и такое базовое понятие индуизма, как гуру, духовный наставник, учитель. В «Малабарской поэме» за гуру можно принять рассказчика. Высокая роль поэта видится здесь и рецензенту Ивану Киуру: «Индусы бредут с берегов священной Джанмы, а над ними весёлым и полуироничным ангелом-хранителем витает дух поэта». [11, с. 13] Автор словно озвучивает добрую, красивую, лукавую сказку с хорошим концом, не давая оценочных суждений, оставляя читателю право самостоятельно делать выводы и строить аналогии. Тако-

ва «всемирная отзывчивость» [8, с. 37] Рабиновича, таков его творческий путь.

Выводы. В отличие от многих русских писателей Рабинович использует индийские мотивы не в пейзажной, а в философской лирике, определяя этим их особенное звучание и значение в контексте своего уникального авторского метода. Индуистские мотивы в «Малабарской поэме» не цель, а средство, способ выражения автором своей картины мира. Синтез культур, стилей и времен делает это произведение интересным для исследования и позволяет обращаться к разным сферам знания. Рабинович сумел поставить необычный эксперимент: скрестить русскую народную культуру с народной индийской культурой, и две религии, которые в его понимании также являются частью культуры. В итоге поэт построил модель идеального нравственного мироустройства, а заодно сумел вписать в текст реалии России 70-х годов.

В. Рабинович не просто знакомит читателя с «быльё» далёкой страны, преподносит азы индийской философии, религии и культуры, он погружает его в мир индусов, побуждая к сочувствию и пониманию. А по большому счету и автор, и читатель путешествуют к самому себе, истинному, чистому, наивному. «Малабарская поэма» Рабиновича и вся его первая книга «В каждом дереве скрипка» есть, по замечанию критика, «не что иное, как очень даже нелегкий путь обнаружения сути творчества: от самовыражения вообще, от поиска средств этого самовыражения — своего стиля, — к поэзии; от внешней яркости, броскости — к более надежному, глубокому потаенному свету» [11, с. 14].

1. Азадовский, М. К. История русской фольклористики / Сост. и отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2014. — 1056 с.
2. Алькаева, З. Портрет Вадима Рабиновича, или читая его новую книгу // Зинзивер. — No 6 (26) [Эл. ресурс]. — URL: <https://magazines.gorky.media/zin/2011/6/portret-vadima-rabinovicha-ili-chitaya-ego-novuyu-knigu.html> (дата обращения: 10.10.2024).
3. Бальмонт, К. Д. Полное собрание стихов. Т.5. — М.: Скорпион, 1911. — 148 с.
4. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского [Текст]. - 3-е изд. - Москва: Худож. лит., 1972. — 470 с.
5. Бернюкевич, Т. В. Буддийские мотивы в лирике К. Бальмонта / Т. В. Бернюкевич // Гуманитарный вектор. — 2010. — № 2(22). — С. 164–168. — EDN MSXVUP.
6. Даренская, Н. А. Индия в творчестве Н. С. Гумилева / Н. А. Даренская // XV международные научные чтения (памяти Капицы С.П.): сборник статей Международной научно-практической конференции, Москва, 01 октября 2017 года. — М.: ООО "Европейский фонд инновационного развития", 2017. — С. 43–51. — EDN ZOILWT.
7. Дёмин, А. С. Индия в древнерусской литературе // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 21 / Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького РАН; гл. ред. О.А. Туфанова. М.: ИМЛИ РАН, 2022. С. 197–215.

8. Дударева, М. А., Рождественская, О. Ю. Язык поэзии Вадима Рабиновича: феномен всемирной отзывчивости // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2024. – Т. 26. – № 4 – С. 37–43.
9. Золотцев, С. В каждом дереве скрипка // Новый мир. – 1979. – №9. – С. 282–283.
10. История и культура Древней Индии: Тексты / Сост. А.А. Вигасин. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 352 с.
11. Киуру, И. Найти в дереве скрипку. Рецензия на книгу В. Рабиновича «В каждом дереве скрипка», апрель 1979 г. – 14 с. Личный архив А.Н. Рылевой.
12. Лотман, Ю. М. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // Учёные записки Тартуского государственного университета. – 181 выпуск. – Тарту, 1965. – С. 210–216.
13. Люсый, А. П. «Индия духа» и серебряный ноль. Новая сцена для культуры Серебряного века от Елены Шахматовой / А. П. Люсый // Вопросы культурологии. – 2021. – № 2. – С. 177–182. – DOI 10.33920/nik-01-2102-09. – EDN RHAJJU.
14. Македонов, А. В. Свершения и кануны [Текст]: о поэтике русской советской лирики 1930-1970-х гг. – Л.: Советский писатель. Ленинградское отделение, 1985. – 358, [1] с. – Б. ц.
15. Морье, А. К. Индия - Россия: литературно-культурное взаимопонимание / А. К. Морье // Художественное образование и наука. – 2019. – № 4. – С. 127-138. – DOI 10.34684/hon.201904016. – EDN ZOYKEN.
16. Окорочова-Алькаева, З. Ю. Интертекст как исследовательский эксперимент поэта и культуролога Вадима Рабиновича (на примере анализа эссе «Футуристический диптих») / З. Ю. Окорочова-Алькаева // Известия Смоленского государственного университета. – 2019. – № 3(47). – С. 81–102. – DOI 10.35785/2072-9464-2019-47-3-81-102. – EDN MLTCXG.
17. Рабинович, В. Л. Алхимия. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2012. – 704 с.
18. Рабинович, В. Л. В каждом дереве скрипка. [Текст] / В. Рабинович. Стихи. Художник Владимир Левинсон. – М.: Советский писатель, 1978. – 96 с.
19. Рабинович, В. Л. Синица ока стихотворения и поэмы / Вадим Рабинович. – Москва: Стратегия, 2008. – 270, [1] с. ил., портр.; 20. – (Политософская библиотека); ISBN 5-9234-0079-0.
20. Рабинович, В. Л. Фиолетовый грач.: Стихотворения и поэмы / Вадим Рабинович; [Худож. В. Левинсон]. – М.: Сов. писатель, 1988. – 220 с.
21. Ригведа. Избранные гимны. / Перевод, комментарий и вступительная статья Т.Я. Елизаренковой. – М.: ГРВЛ. 1972. – 418 с.
22. Спесивцева, Л. В. Тема Востока в лирической поэме Серебряного века / Л. В. Спесивцева // Гуманитарные исследования. – 2013. – № 2(46). – С. 087–093. – EDN QJIKX.
23. Стасов, В. В., Пыжиков, А. В. Происхождение русских былин (Неожиданный Владимир Стасов). – М.: Концептуал, 2019, 416 с.
24. Философский век. Альманах. Вып. 32 Бенджамин Франклин и Россия: к 300-летию со дня рождения. Часть 2 / Отв. редакторы Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. – СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2006. – 345 с.
25. Фисковец, Е. В. Образ Индии в русской литературе (между реальностью и мечтой): специальность 10.01.01 "Русская литература": автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Фисковец Елена Валерьевна. – Петрозаводск, 2011. – 22 с. – EDN ZODZHP.

HINDUISM MOTIVES IN THE "MALABAR POEM" BY V. RABINOVICH

© 2024 Z.Yu. Okorokova-Alkaeva

Zulfiya Yu. Okorokova-Alkaeva, Senior Lecturer, Department of Humanities

E-mail: zalkaeva@bk.ru

Moscow International University

Moscow, Russia

The article analyzes the semantic and stylistic features of V. Rabinovich's "Malabar Poem", first published in the book of poems "In every Tree there is a violin" (1978), taking into account critical reviews. Russian Russian writers' interest in India, which dates back to medieval literature and has been preserved to this day, and the overlap of Russian folklore with the motifs of ancient Indian culture, are noted. The connection of Rabinovich's poetics with the traditions of Soviet poetry, the work of the Oberiutes and poets of the Silver Age, and the history of world culture is indicated. The techniques of language play and the subtext reflection of the atmosphere of the 70s of the XX century in Russia were revealed, when anti-war rhetoric intensified in the conditions of the next round of the cold War, and the so-called stagnation prevailed in domestic politics, and the Soviet intelligentsia resisted the dominance of officialdom and standard in journalism and literature. The relevance of the poem itself and its research is emphasized, due to immersion in the unique author's method of the poet, combining science and lyrics. Formulate the author's super task is formulated — an attempt to emphasize the common features of Hinduism and Christianity with the help of a stylistic experiment, as well as to create a utopian picture of universal peace and harmony.

Key words: Malabar poem, V. Rabinovich's poetics, motives of Hinduism, India, folklore, Soviet poetry, allusion, subtext, language game, irony, entomosemism

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-98-72-81

EDN: OZNDUN

1. Azadovskiy, M. *Istoriya russkoy folkloristiki (History of Russian folklore)*. – M.: Institut russkoy civilizacii, 2014. – 1056 s.
2. Alkaeva, Z. *Portrait of Vadim Rabinovich, or reading his new book // Zinziver No. –6 (26) [Electronic resource]*. – URL: <https://magazines.gorky.media/zin/2011/6/portret-vadima-rabinovicha-ili-chitaya-ego-novuyu-knigu.html> (data obrashcheniia: 10.10.2024).
3. Balmont, K. D. *Polnoe sobranie stihov (Complete collection of poems. T.5. – M.: Izd. Skorpion, 1911. – 148 s. Sobranie sochineniy (The complete works). T.6. – M.: «Knigovok», 2010*
4. Bakhtin, M. M. *Problemy poetiki Dostoevskogo (Dostoevsky's poetics problems) [Tekst]*. – 3-e izd. – Moskva: Hudoj. lit., 1972. – 470 s.
5. Bernukevuch, T. V. *Buddiyskie motivy v lirike K. Balmonta (Buddhist motives in K. Balmont's lyrics) / T.V. Bernukevuch // Gunanitarnyy vektor. – 2010. – № 2(22). – S. 164–168. – EDN MSXVUP.*
6. Darenskaya, N. A. *India in the works of N. S. Gumilev / N. A. Darenskaya // XV International scientific readings (in memory of Kapitsa S.P.) : collection of articles of the International Scientific and Practical Conference, Moscow, October 01, 2017. – Moscow: European Fund for Innovative Development LLC, 2017. – Pp. 43-51. – EDN ZOILWT.*
7. Demin, A. S. *Indiya v drevnerusskoy literature (India in Old Russian literature) // Germenevtika drevnerusskoy literatury. Sbornik 21 / In-t mirovoy literatury im. A.M. Gorkogo RAN; gl. red. O.A. Tufanova. – M.: IMLI RAN, 2022. – S. 197-215.*
8. Dudareva, M. A., Rojdestvenskaya, O. U. *Yazyk poezii Vadima Rabinovicha: fenomen vsemiroy otzivchivosti (The language of Vadim Rabinovich's poetry: a phenomenon of worldwide responsiveness) // Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossiyskoy akademii nauk. Socialnye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki. – 2024. – T. 26. – № 4. – S. 37–43.*
9. Zolotcev, S. *V kajdom dereve skripka (There is a violin in every tree) // Novyy mir. – 1979. – №9. – S. 282–283.*
10. *Istoriya i kultura Drevney Indii (The history and culture of ancient India): Teksty / Sost. A.A. Vigasin. – M.: Izd-vo MGU, 1990. – 352 s.*
11. Kiuru, I. *Nayti v dereve skripku (Find a violin in a tree). Recenziya na knigu V. Rabinovicha «V kajdom dereve skripka», aprel 1979 g. – 14 s.*
12. Lotman, Yu. M. *O ponyatii geograficheskogo prostranstva v russkikh srednevekovykh tekstah (About the concept of geographical space in Russian medieval texts) // Uchenye zapisi Tartusskogo gosudarstvennogo universiteta. – 181 vypusk. – Tartu, 1965. – S. 210–216.*
13. Lyusy, A. P. *«Indiya dukha» i serebryanny nol. Novaya scena dlya kultury Serebryanogo veka ot Eleny Shachmatovoy ("India of Spirit" and silver zero. A new scene for the culture of the Silver Age from Elena Shakhmatova) / A.P. Lyusy // Voprosy kulturologii. – 2021. – № 2. – S. 177-182. – DOI 10.33920/nik-01-2102-09. – EDN RHAIJU.*
14. Makedonov, A. V. *Achievements and evans [Text]: on the poetics of Russian Soviet lyrics of the 1930 s-1970 s / - L.: Soviet writer. Leningrad branch, 1985. - 358, [1] S. - B. ts.*
15. Okorokova-Alkaeva, Z. U. *Intertekst kak issledovatel'skiy eksperiment poeta i kulturologa Vadima Rabinovicha (na primere analiza esse «Futuristicheskii diptikh») (Intertext as a research experiment of the poet and culturologist Vadim Rabinovich (using the example of the analysis of the essay "Futuristic Diptych") / Z.U. Okorokova-Alkaeva // Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2019. – № 3(47). – S. 81–102. – DOI 10.35785/2072-9464-2019-47-3-81-102. – EDN MLTCXG.*
16. Morye, A. K. *India - Russia: literary and cultural understanding / A. K. Morye // Art education and science. – 2019. – No. 4. – Pp. 127-138. – DOI 10.34684/Hon.201904016. – EDN ZOYKEN.*
17. Rabinovich, V. L. *Alchemy. St. Petersburg: Ivan Limbach Publishing House, 2012. – 704 p.*
18. Rabinovich, V. L. *V kajdom dereve skripka (In every tree a violin) / V.L. Rabinovich. Stikhi. Hudojnik Vladimir Levinson. – M.: Sovetskii pisatel, 1978. – 96 s.*
19. Rabinovich, V. L. *Tit of the Eye poems and poems / Vadim Rabinovich. – Moscow: Strategiya, 2008. – 270, [1] p. ill. portr.; 20. – (Politosophical Library); ISBN 5-9234-0079-0.*
20. Rabinovich, V. L. *Fioletovyy grach (Purple rook): Stikhotvoreniya i poemy / Vadim Rabinovich; [Hudoj. V. Levinson]. – Moskva: Sov. pisatel, 1988. – 220 s.*
21. *Rigveda. Izbrannyye gimny (Selected hymns). / Perevod, kommentariy i vstupitel'naya statya T.Y. Elizarenkovoy. – M.: GRVL. 1972. – 418 s.*
22. Spesivtseva, L. V. *The theme of the East in the lyrical poem of the Silver Age / L. V. Spesivtseva // Humanitarian studies. – 2013. – № 2(46). – Pp. 087-093. – EDN QJIIXX.*
23. Stasov, V. V., Pyjnikov, A.V. *Proishojdenie russkikh bylin (Origin of Russian epics). – M.: Konceptual, 2019. – 416 s*

24. Filosofskiy vek (Philosophical age). Almanakh. Vyp. 32 Denjamin franklin I Rossiya: k 300-letiyu so dnya rojdeniya. Chast 2 / Otv. Redaktory T.V. Artemeva, M.I. Mikeshin. — SPb.: Sankt-Peterburgskiy Centr istorii idey, 2006. — 345 s.
25. Fiskovets, E. V. The image of India in Russian literature (between reality and dream): specialty 10.01.01 "Russian literature": abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Philological Sciences / Elena V. Fiskovets. — Petrozavodsk, 2011. — 22 p. — EDN ZODZHP.